

Ткачук А. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

*Персонажи и их функции в сказке Ю. Яковлевой
«Дети ворона»*

Аннотация. В статье анализируется система персонажей и их функции в сказке Ю. Яковлевой «Дети ворона», делается вывод об авторской концепции истории и о том, как автор трансформирует конвенции фольклорной волшебной сказки.

Ключевые слова: литературные сказки, литературные жанры, жанровая модификация, литературные герои, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Tkachuk A. A. (Yekaterinburg, USPU)

*Characters and their functions in the tale Yu. Yakovleva
«Children of the Raven»*

Abstract. The paper is devoted to the poetics of Yu. Yakovleva's fairytale «The Raven's Children». The author of the article analyses the main characters and their functions in the fairytale and makes a conclusion of Yakovleva's concept of the history.

Keywords: literary tales, literary genres, genre modification, literary heroes, Russian literature, Russian writers, literary creativity.

В. Я. Пропп в монографии «Морфология волшебной сказки» попытался дать полное и точное обоснование ответа на вопрос: что есть сказка? Интересно его развернутое определение волшебной сказки: «Морфологически волшебной сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства или недостачи через промежуточные функции к свадьбе или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение, добыча или вообще ликвидация беды, спасение от погони и т. д. Такое развитие названо нами ходом. Каждое новое нанесение вреда или ущерба, каждая новая недостача создает новый ход» [Пропп 2001: 84-85]. Исследова-

тель утверждает, что есть определенный набор персонажей, которые выполняют те или иные установленные функции: «Если распределить затем функции по действующим лицам из сказочного запаса или по собственному вкусу, то схемы оживают, они становятся сказками». Таких персонажей семь: герой, ложный герой, антагонист (вредитель), даритель, помощник, царевна или её отец, отправитель [Пропп 2001: 26].

Рассмотрим систему персонажей в современной литературной сказке, обратившись к книге «Дети ворона» – первой книге пенталогии «Ленинградские сказки» современной писательницы Юлии Яковлевой. Цикл задумывался Яковлевой как серия книг о тяжелых временах российской истории XX века. На сегодняшний день выпущено три книги из пяти. Рассматриваемая нами часть, «Дети ворона», посвящена сталинским репрессиям 30-х годов.

Действие книги разворачивается в 1938 году в Ленинграде. В обычную семью приходит беда: однажды отца, а потом и мать и их младшего сына забирает Чёрный Ворон. Оставшиеся без родителей и брата Шурка и Таня отправляются на поиски Ворона, чтобы вернуть родных.

Главным Героем сказки Яковлевой является мальчик Шурка. Он преодолевает множество испытаний ради спасения близких: путешествие в перевернутый мир не-Ленинграда, преодоление огромной очереди в «Кресты», проникновение в Дом Ворона и др. Герой взрослеет и начинает понимать, в чем заключается зло Черного Ворона. В конце сказки ему удается спасти своего младшего брата из Серого Дома – страшного места, куда свозят всех детей, чьих родителей унес Ворон. Если в народной сказке герой статичен: всегда готов идти в бой, не боится трудностей, умен и сообразителен, смекалист, то в сказке Яковлевой Герой развивается – взрослеет, набирается мужества, избавляется от трусости, от наивности, начинает рассуждать не по-детски.

Образ Антагониста в современной литературной сказке тоже усложнен. Как правило, в народной сказке Вредителем является вполне определенное лицо: Баба Яга, Кощей Бессмертный и другие. В «Детях ворона», безусловно, главный противник Героя – Чёрный Ворон. Это страшный персонаж, который забирает людей, представляется Шурке и Тане «огромной» птицей с большим клювом и с «чёрными лакированными крыльями», любит всё серое и

одинаковое, у него «серое и страшное царство». Отчетливо процируясь на историческую действительность 1930-х гг., образ тем не менее сохраняет свою мифо-фольклорную семантику: так, у народов средневековой Европы ворон считался вестником зла, он связан с царством мёртвых и со смертью, с кровавой битвой. В русском фольклоре чёрный ворон ассоциировался с бедой.

Следуя сказочному канону, ворон появляется неожиданно, но, если народная сказка не ставит под сомнение существование зла (антагониста), то у Ю. Яковлевой сохраняется интрига: ребенку-читателю сложно понять, существует ли Чёрный Ворон на самом деле. При этом в сказке Яковлевой есть целый ряд персонажей, являющихся «делегатами», «представителями» Ворона в том или ином мире.

Так, тётя Рита, соседка по коммунальной квартире, является одним из «агентов» Антагониста в реальном мире Ленинграда: «Шурка только прикрыл глаза, а когда открыл, то оказалось, что он идёт по длинному коридору. Навстречу медленно и бесшумно шла фигура с огромным вороньим носом. Было понятно, что это тётя Рита. Но в то же время – Ворон». А когда Чёрный Ворон забирал отца и мать с братом главного героя, соседка искренне ликовала при появлении Ворона: «Чёрный Ворон, – раздельно произнесла тётя Рита, ликуя» [Яковлева 2016: 57-58].

Среди представителей Ворона в мире не-Ленинграда - Тумба, женщина, которая руководит детьми в Сером Доме. Она и выполняет основные требования Чёрного Ворона: создание преданного нового общества, забывшего своё прошлое, думающего, что нет никого мудрее и лучше Ворона.

«Рассеянность» агентов Антагониста (и в то же время их «вездесущность») обозначает авторскую концепцию зла. Яковлевой было важно ввести в текст несколько представителей Антагониста вместо сказочного зла, персонифицированного в одной фигуре, и это связано с историческими процессами, к которым отсылает сказка: доносительство, шпиономания, унификация жизни, сталинизм, «чистки» в партиях.

Образ тётя Риты явно олицетворяет доносительство. Вероятно, рассчитывая в случае ареста Шуркиной семьи занять освобожденную площадь, именно она донесла на семью главного героя, которая, как известно, имела не одну комнату в коммунальном доме,

как все, а две. Образ Тумбы представляет соглашательство, феномен унификации жизни, а образ Ворона как бы венчает главные феномены эпохи – тоталитаризм, тиранию, репрессии. Характерно, что и сам Герой в конце повествования задается вопросом: «А может, никакого Ворона не было? Не существовало вообще? Ни с крыльями, ни без. Ни с клювом, ни с человеческим лицом».

Образ родителей, которые отправляют Героя в путь, принимается автором современной сказки. Яковлева выбирает сюжет разлуки Героя с Родителями, драматизируя ситуацию тем, что Герою предстоит отыскать Родителей, а не просто справиться с трудностями без помощи старших.

Важными для сказки персонажами традиционно являются помощники и Дарители. В «Детях Ворона» в функции помощника выступает Крыса, тогда как птицы (в фольклорной сказке традиционно являющиеся помощниками героя) – говорящие чайки, голуби, лебеди – не помогают Шурке и Тане, а только пугают, запутывают и сбивают с толку. Они напоминают галдящую толпу людей, которые только твердят «враги», «предатели», «кыш отсюда» и т. п. В произведении Яковлевой образ птиц метафоризирован. Он отсылает к фигурам «простых граждан», которые не хотят вникать в чужую беду, предпочитают ничего знать, мало говорят, потому что боятся, что на них могут донести. Показателен в этом плане образ Сороки, которая, как и соседи Шурки по коммунальной квартире, говорит: «Вопрос? Какой вопрос? Зачем вопрос? Не надо никаких вопросов. Как бы чего не вышло»; «Я не при чём! Не знаю! Не слышала! Не видела!»; «Не хочу ничего знать. Меньше знаешь – крепче спишь. Моё гнездо с краю. Моё дело сторона» (с. 111).

Вероятно также, что птицы не стали у Яковлевой традиционными сказочными помощниками Герою, потому что приближены к Антагонисту (все они птицы-родственники). Вспомним тексты транспарантов, которые появляются в сказке: «Синица за год уничтожает 6.500.000 гусениц», «королёк за год истребляет 1.000.000 вредителей». «Синицы, воробьи, чижи, вороны и голуби давали вредителям решительный отпор, очищая советский Ленинград». Они, как реальные исторические доносчики, помогали Ворону избавить город от «вредителей»=«врагов народа» (с. 87).

Образ Дарителя в сказке «Дети ворона» также усложнён, непросто. Нелегко найти конкретного персонажа, который бы выполнял эти функции. Для Шурки волшебным средством оказывается не что-то волшебное-материальное, как в традиционных фольклорных сказках (клубок, скатерть и т. п.), а слово. Именно слово в той или иной ситуации становилось стимулом, побуждающим героя к активным и решительным действиям. Так, например, при слове «трус», сказанным Таней, Шурка решается на противодействие Чёрному Ворону, на самостоятельные поиски Ворона.

По мнению В. Я. Проппа, есть определенная система, ход, который сказочник не вправе нарушить. Перечисляя 31 функцию, исследователь отмечает, что сказка всё же свободна в выборе функций и способах их осуществления: что-то может быть включено, а что-то упущено, «сказочник» теоретически свободен в выборе номенклатуры и атрибутов действия. [Пропп 2001: 26-60] Какой набор функций использует Ю. Яковлева?

Яковлева использует только те функции, которые помогают ей сохранить жанровый стержень и развить авторскую концепцию.

Сказка Яковлевой вполне традиционно начинается с функции «отлучки», далее следует ряд запретов («не слушай», «не спрашивай», «не выдумывай») и вредительство антагониста. Герой отправляется восполнить недостачу (найти семью), в процессе получает волшебное средство (мотивирующее слово), решается на противостояние Антагонисту и перемещается в иное пространство.

Большое внимание уделено функции «клеймения» главного героя в Сером Доме (ф. 17), подробно описаны все этапы этого процесса: детей, попавших в Серый Дом, нельзя было отличить друг от друга, поскольку все в одинаковой мешковатой обрубленной одежде, выбриты наголо, спят на кроватках, выстроенных рядами, как на кладбище. «В Сером доме переламывают всех... Они превращались в одинаковые серые тени».

Пропуская функцию борьбы Антагониста и Героя, автор, реализует функцию устранения беды, когда главный герой при помощи Помощника – Крысы выбирается из Серого Дома и возвращается (ф. 20) в Ленинград, но не в свой родной дом. При этом данная функция усложнена на уровне хронотопа тем, что герой долгое время не понимает, где находится: в Ленинграде или в не-Ленинграде. Интересно, как сказочный мотив неузнанного прибы-

тия героя накладывается в сказке на исторический контекст: люди-невидимки (сам главный Герой, Король, Старуха, дворник, Лена и др.), которых не замечают горожане, бывшие соседи, читаются как авторская метафора, описывающая атмосферу 30-х гг.

Индивидуально-авторски реализуется в сказке и функция обличения антагониста, поскольку повзрослевший не по годам Шурка понимает, что, вероятно, не было никакого Чёрного Ворона, ни как птицы, ни как человека, но точно есть Зло: жадность, подлость, трусость. Последующие функции (29-31) автор тоже упускает, т. к., не смотря на частичное воссоединение семьи, трагедия остается трагедией: родители Шурки до сих пор репрессированы, как и тысячи людей, кого коснулось жестокое «крыло» репрессий.

Подводя итоги, отметим: Ю. Яковлева целенаправленно отбирает именно таких персонажей, которые реализуют выборочный набор традиционно-фольклорных сказочных функций. Автор литературной сказки «Дети ворона», апеллируя к опыту фольклорной сказки, вносит коррективы в распределение функций героев в соответствии со своей концепцией истории (и в соответствии со своими целевыми установками). Занимательность сказки для детей сохраняется благодаря традиционным сказочным персонажам и вполне узнаваемым сказочным «ходам». В то же время автор достаточно свободен в интерпретации сказочных моделей, что обусловлено нацеленностью на исторический контекст и задачей создать метафорическую картину российской истории.

Отметим, что, на наш взгляд, авторская концепция истории как сказочного наваждения/страшной сказки может быть воспринята только подготовленным читателем, который владеет исторической информацией, имеет представление о событиях 30-х гг. XX века. Очевидно, сказка «Дети ворона» предполагает ситуацию совместного чтения детей и взрослых (педагога и/или родителей) и неспешного обсуждения событий прошлого - и того, как конвенции волшебной сказки накладываются на русскую историю.

Литература

1. *Пронн В. Я.* Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.

2. *Яковлева Ю.* Дети ворона: 1938 год. Ленинградские сказки: Книга первая [для младшего и среднего школьного возраста]. – М.: Самокат, 2016. – 264 с.